

ЛЕОНИД ДОБЫЧИН

Город Эн

ПАЛЪМИРА
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

Москва / Санкт-Петербург

2 0 2 2

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6
Д57

Добычин Л.

Д57 Город Эн / Леонид Добычин. — М. ; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2022. — 284 с. — (Серия «Пальмира — классика»).

ISBN 978-5-517-07313-6

В эту книгу вошли все известные произведения Л. И. Добычина, мини-малистичные, но в то же время преисполненные поэзией. Остроумные, но лишенные язвительности, они без прикрас описывают действительность целой эпохи — с конца XIX века до 1930-х годов. «Город Эн» — это рассказанная от первого лица история взросления героя, детство и отрочество которого проходят в небольшом городке на заре XX века. Наивные зарисовки провинциального быта Добычин ловко помещает в контекст больших исторических событий рубежа веков.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-517-07313-6

© Оформление.
АО «Т8 Издательские Технологии», 2022

РАССКАЗЫ

ВСТРЕЧИ С ЛИЗ*

*Козлова***

1

Электричество горело в трех паникадилах. Сорок восемь советских служащих пели на клиросе. Приезжий проповедник предсказал, что скоро воскреснет Бог и расточатся враги Его.

Козлова приложились и, растирая на лбу масло, протолкалась к выходу. Через площадь еле продралась: пускали ракеты, толкались, что-то выкрикивали, жгли картонного бога-отца с головой в треугольнике, музыка играла «Интернационал».

— Мерзавцы, — шептала Козлова, — гонители...

Снег скрипел под ногами. Примасленные полозьями места жирно блестели. Над школой Карла Либкнехта и Розы Люксембург стояла маленькая зеленоватая луна. Козлова вздохнула: здесь мосье Пуэнкарэ учил по-французски.

Она пошла тише. В памяти встали приятные картины дружбы с мосье.

Вот — чай. Мосье рассказывает о Лурдской Богородице. Авдотья отворяет дверь и подсматривает. Козлова показывает на нее глазами.

— Приветливая женщина, — говорит мосье.

Потом он берет за шляпу, Козлова встает, и они отражаются в зеркале: он, аккуратненький, седенький, раскланива-

* Текст сборника приводится по изданию: *Добычин Л. И. Встречи с Лиз. Л., 1926.*

** Рассказ также входил в состав рукописного сборника «Вечера и старухи» 1924 года под названием «Письмо».

ется, она — прямая, в длинном платье, пальцы левой руки в пальцах правой, тонкий нос немного наискось, на узких губах — старомодная улыбка.

— Приходите, мосье...

А вот — в кинематографе. Играют на скрипке. Мосье завтра едет. С тоненького деревца в зеленой кадке медленно падают листья.

— Как грустно, мосье...

Девица в красной вязаной кофте отдергивает занавеску и выпускает. По сторонам холста висят Ленин и Троцкий... Бьет посуду и ломает мебель комическая теща, красуются швейцарские озера и мелькают шесть частей роскошной драмы: Клотильда отравилась, Жанна выбросилась из окна, а Шарль медленно отплывает на пароходе «Республика», и ему начинает казаться, что все случившееся было только сном.

— Так и вы, мосье, забудьте нас, как сон.

— О мадмуазель!

Обратный путь полон излияний. В прекрасной Франции мосье будет думать о ней. Он будет следить за политикой.

«Кого же и назвать Сивиллой нашего времени, если не мадам де-Тэб», — напишет он, когда можно будет ждать чего-нибудь такого...

2

Вечера Козлова просиживала на лежанке — штопала белье или читала приложения к «Ниве». Вторник был женский день — ходили с Авдотьей в баню, орали дети, гремели тазы, толстобрюхие бабы с распущенными волосами, дымясь, хлестали себя вениками. В воскресенье брали по корзине и отправлялись на базар.

— Гражданка, гражданочка, — высовываясь из будок, зазывали торговки, — барышня или дамочка!

Иногда приходила Суслова, и долго пили чай; хозяйка — чинная, с любезной улыбкой, гостя — растрепанная, толстая, с локтями на столе и шумными вздохами. Говорили о тяжелой жизни и о старом времени. Авдотья слушала, стоя в дверях.

— В Петербурге я кого-то видела, — рассказывала круглощекая Суслова, задумчиво уставившись на чашки (одна была с Зимним дворцом, другая — с адмиралтейством). — Не знаю, может быть, саму императрицу: иду мимо дворца, вдруг подъезжает карета, выскакивает дама и — порх в подъезд.

— Может быть, экономка с покупками, — отвечала Козлова.

Зима прошла. Первого мая Козлова выстирала две кофты и полдюжины платков: пусть выкусят. В открытые окна прилетали звуки оркестров...

Из монастыря принесли икону святого Кукши. Ходили встречать. Возвращались взволнованные.

— Мерзавцы, гонители...

— Господи, когда избавимся?.. Мусью не пишет?

Потом взошла луна, и души смягчились... В соборе трезвонили. В саду «Красный Октябрь» играли вальс. Встретили Демещенку, Гаращенко и Калегаеву, задумчивых, с черемуховыми ветками.

Остановились над рекой и поглядели на лунную полосу и лодку с балалайкой:

— Венеция, — прошептала Козлова.

— «Венеция э Наполи», — ответила Суслова и, помолчав, сказала тихо и мечтательно: — Когда горел кооператив, загорелись духи, и так хорошо запахло...

Под утро около кровати кто-то кашлянул. Козлова повернулась и увидела святого Кукшу — в синей епитрахили, как на иконе. Он подал ей хартию, и она прочла, что там было написано:

«Кого же и назвать Сивиллой нашего времени, если не мадам де-Тэб».

Проснулась в волнении и пораньше вышла, чтобы перед канцелярией забежать в собор. Дверь была заперта. Козлова толкнула калитку и села подождать в саду.

Столб с преображением и зеленым куполом стоял над кленами. Таяли рыхлые облака телесного цвета, и через них местами сквозило синее. Скрипнула дверь, епископ вышел из сторожки — простоволосый, с ведром помоев. Постоял, считая удары часов на каланче, и опрокинул свое ведро под столб с преображением.

«Недолго мучиться», — радостно думала Козлова, смотря ему вслед.

Обедала поспешно — хотела сходить к Сусловой, но, встав из-за стола, разомлела и едва добралась до кровати. Проснувшись, к Сусловой поленилась. Отправила Авдотью встречать корову и пошла на огород. Солнце садилось, и закат был простенький: одна полоска красноватая и одна зеленоватая.

Козлова была любительница поливать.

— Когда поливаешь, — говорила она, — душа отдыхает и погружается в сладостное состояние.

Лила двенадцатую лейку, и луна блестела в быстро исчезающих лужиках. Загремел оркестр. Козлова бросилась к воротам.

Чихнула от пыли. Дымные огни развевались на факелах. Отсвечивались в медных трубах. Керзон болтался на виселице. Свет пробежал по лицам маршировщиков.

— Ать, два!левой! Да здравствует коммунистическая партия! Ура!

Разинув рот, маршировала Суслова. Из темноты прибежала Авдотья:

— Англия воюет.

Пред киотами зажгли лампадки и при двух лампах пили настоящий чай. Воняло керосином и копотью.

С светлым лицом Козлова достала из лекарственного шкафа баночку малины.

— Пасха, — наслаждалась Авдотья.

Ругали дурищу Суслову.